

Тупики торговли водоемкой продукцией*

**Неприемлемость расширения торговли
водоемкой продукцией при решении ключевых задач
водного хозяйства**

**Михаил Лемешев
Алексей Максимов
Борис Маслов**

Ущерб России от экспорта электроэнергии в условиях либерализации

Установки стратегических документов (таких как Концепция 2020 и Водная стратегия РФ), ориентирующих гидроэнергетику страны на увеличение выработки электроэнергии целенаправленно для ее экспорта, не отвечают интересам России. Коренные

причины ущерба от этого следует искать в приватизации и либерализации в электроэнергетике, внедренных в отрасль вместе с разрушением Единой энергетической системы России. Мировой опыт в этой области, который неопровергимо свидетельствует о принци-

ЛЕМЕШЕВ Михаил Яковлевич – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета управления. E-mail: ML1927@mail.ru

МАКСИМОВ Алексей Алексеевич – инженер-гидротехник, экономист-международник, Заслуженный метеоролог РФ. E-mail: imaximov@mecom.ru

МАСЛОВ Борис Степанович – доктор технических наук, академик РАСХН, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ. E-mail: Kusn_Anna@mail.ru

Ключевые слова: экспорт электроэнергии, энергетические системы Сибири и Дальнего Востока, Китай, тарифы на электроэнергию, деградация окружающей среды, территориальное перераспределение стока.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. № 12; 2011 № 1, 2.

пиальной ущербности для общества, экономики и безопасности страны от приватизации и либерализации деятельности в сфере энергетики, не учтен. Исследования, выполненные многочисленными зарубежными научными центрами и авторитетными международными организациями, показывают, что такая политика несостоятельна для социально-экономической сферы.

Россия не последовала примеру подавляющего большинства стран, в том числе Бразилии, США и Британии^{1,2,3}, признавших, что приватизация и либерализация в электроэнергетике, которые они проводили в 90-х годах, не отвечали их национальным интересам. Отрасль в этих странах была возвращена в систему государственного управления. При таком управлении страны скрупулезно анализируют соотношение затрат и выгод от экспорта электроэнергии.

Россия пошла «против течения», что наглядно подтвердилось разрушением РАО «ЕЭС России» и политикой в сфере экспорта электроэнергии. В этой сфере возникли перекосы в объемах и ценах экспортной электроэнергии, создаются коррупционные схемы экспорта, навязываются региональные стратегии, направленные на экспорт электроэнергии. Все это наносит ущерб регионам и общегосударственным интересам страны.

У специалистов возникают недоуменные вопросы.

Например, почему в Финляндию электроэнергия продается дешевле, чем потребителям в Ленинградской области, – по цене в 2–3 раза меньше европейской⁴.

Чем вызван такой альтруизм, во что он обходится казне, кому достается разница между ценой на границе и через метр после нее и почему российские потребители электроэнергии и поставщики топлива для ее производства, тот же «Газпром», должны дотировать страны-импортеры?

Почему электроэнергетика Северо-Запада работает на Финляндию, в то время как Ленинградская область включена в список 16 отключаемых регионов?

Почему в течение 15 лет электроэнергия продается в Китай в 10 раз дешевле, чем российским потребителям тут же, на Дальнем Востоке^{5,6}.

Почему принимаются стратегические документы, диктующие значительное увеличение ущербного для России экспорта электроэнергии в Китай?*

Причина такой политики кроется в стремлении частных и псевдогосударственных структур, присвоивших отрасль, получить прибыль любой ценой, в том числе за счет активизации экспорта электроэнергии, вопреки объективно существующим и перспективным потребностям и возможностям отечественной электроэнергетики.

В рамках такой политики электроэнергетика Дальнего Востока ориентируется на удовлетворение нужд Китая и частных интересов некоторых групп в России в ущерб населению, экономике и природе российского Дальнего Востока. Следует подчеркнуть, что эта политика реализуется под прикрытием идеи Чубайса о создании в Северо-Восточной Азии межгосударственных энергетических объединений (МГЭО)⁵, где ключевым является МГЭО «Рос-

* По данным Федеральной таможенной службы РФ⁷, в 1992–1994 гг. отсутствовал таможенный учет экспорта электроэнергии в Китай. С 1995 по 2007 гг. она продавалась в Китай по цене от 20 до 67коп за 1 кВт·час. С марта 2007 г. экспорт не осуществлялся, однако он возобновился с марта 2009 г. по цене 1 руб. 18 коп. за 1 кВт·час.

сия – Китай» (энергосистема Восточной Сибири – «ОЭС Сибири» и Объединенная энергосистема Дальнего Востока – «ОЭС Востока») и Северо-Востока Китая. В обоснование этой идеи утверждалось, что ее реализация позволит:

1. Повысить надежность энергоснабжения в регионе за счет объединения энергосистем сопредельных государств;

2. Сэкономить генерирующие мощности за счет разнесения пиковых нагрузок при разнице в часовых поясах;

3. Обеспечить взаимодополняемость экономик России и Китая;

4. Реализовать избыток генерирующих мощностей на территории Сибири и Дальнего Востока России;

5. Создать на территории России возможность строительства атомных, тепловых и гидроэлектростанций экспортной направленности.

Ученые и специалисты считают, что реальные действия российской стороны не имеют ничего общего с этой идеей⁵. Вместо создания МГЭО «Россия – Китай», цель которого – содействие приграничному сотрудничеству в интересах России, к настоящему времени реальное взаимодействие дальневосточных и китайских энергетиков свелось к элементарной односторонней продаже электроэнергии из Амурской области на локальные объекты в населенных пунктах Хэйхэ и Шипаджань в китайской провинции Хейлунцзян. В таком сотрудничестве обеспечиваются интересы не России, а определенных лиц и структур. Представленные аргументы подтверждают вышесказанное, а именно:

1. Прогноз РАО «ЕЭС России» об эффективности участия ОЭС Сибири в МГЭО «Россия – Китай» оказался ошибочным, поскольку расходы на транспортировку 1 кВт·час из Сибири до границы с КНР оказались в 2 раза

выше реальной стоимости электроэнергии на сопредельной территории Китая⁵. Не выполняется п.4 МГЭО «Россия – Китай».

2. По данным Института систем электроэнергетики им. Л.А.Мелентьева (ИСЭМ СО РАН)⁸, в 2000 г. экспорт из Амурской области осуществлялся в условиях, когда потребление электроэнергии на душу населения в самой области (7,4 тыс. кВт·час/чел. в год) было значительно выше среднего показателя по Дальневосточному федеральному округу⁹.

При собственной выработке 5,4 тыс. кВт·час/чел в год «часть потребности области покрывалась за счет поставки из Республики Саха, Хабаровского края и ОЭС Сибири».

В это время удельная обеспеченность электротехнологиями мощностей в Амурской области была «самой низкой в Дальневосточном регионе (0,5 кВт/чел.)», а эффективность их использования – самой высокой (10,3 кВт·час в год). Это указывало на необходимость ввода дополнительных мощностей, что позволило бы сократить «значительные потери в сетях».

Объемы экспорта электроэнергии в КНР предполагалось увеличить за счет вводимых генерирующих мощностей Бурейской ГЭС. После пуска ее первых агрегатов (2003 г.) ОЭС Сибири и ОЭС Дальнего Востока ввиду незначительных, случайных и разнонаправленных перетоков электроэнергии были разъединены для улучшения условий эксплуатации обеих энергосистем. При этом отпала необходимость в поддержании единой частоты, и сократились потери электроэнергии в сетях. Эти меры закрепили абсурдную ситуацию: экспорт электроэнергии в КНР официально осуществлялся только из энергодефицитной ОЭС Дальнего Востока.

Как следует из работы ИСЭМ СО РАН⁹, экспортные поставки электроэнергии регистрировались как внутри-

областное потребление, что искажало реальную статистику и положение дел в промышленности области. Экспорт электроэнергии в Северо-Восточный Китай (СВК) осуществлялся с территории, в наименьшей степени обеспеченной генерирующими мощностями, и часть недостающей электроэнергии поставлялась в Амурскую область из соседних краев и областей со значительными потерями в сетях. Все потери и затраты при транспортировке в область недостающей электроэнергии (при ее экспорте в КНР) оплачивал российский потребитель, что противоречит самой идее МГЭО – улучшение энергообеспечения населения и экономики Дальнего Востока.

Указанное обстоятельство игнорировалось, и формально экспорт электроэнергии из ОЭС Дальнего Востока с шин ТЭЦ г. Благовещенска в г. Хэйхэ, находящийся на противоположном берегу р. Амура, осуществлялся с минимальными затратами и потерями для экспортёра. Это позволяло частным экспортным компаниям-посредникам получать высокую прибыль даже при более низких, чем приведенные выше, экспортных ценах.

Первоначально продажа электроэнергии в Китай осуществлялись компанией «ДальМЭС» (Хабаровск) на условиях приграничной торговли. Взаиморасчеты частично производились посредством бартера и слабо контролировались российской стороной. Это позволило компании организовать сеть магазинов по продаже ввозимых из Китая товаров, что не соответствовало ее профилю¹⁰. (Налицо противоречие с п.3 МГЭО.)

Партнером российского экспортёра («ИнтерРАО») с китайской стороны выступала зарегистрированная на о. Тайвань частная компания «Сириус», которая, по мнению аналитиков⁵, является дочерней компанией РАО «ЕЭС

России», созданной на Тайване (2005 г.). Действуя от имени РАО «ЕЭС России», представители этой компании учредили в КНР компанию «Сириус-энерго», которая якобы заменила государственную компанию КНР в контактах с РАО «ЕЭС России», в том числе по вопросам закупки электроэнергии из Амурской области. Таким образом, продавая в Китай электроэнергию, компания «ИнтерРАО» фактически продавала ее сама себе по цене 1,8 цента за 1 кВт·час¹¹.

3. Огромный разрыв между внутренними и экспортными ценами на электроэнергию не могло не оказать отрицательного влияния на конкурентоспособность российских предприятий по отношению к китайским. В таких условиях ни о какой взаимодополнимости экономик ДВР и СВК (п. 3 обоснования создания МГЭО) говорить не приходится.

Вышеприведенные технические, организационные и финансовые меры превращают в фикцию заявленные мотивы и доводы в пользу необходимости создания МГЭО «с целью повышения стабильной работы российских энергосистем» (п. 1 условий обоснования МГЭО). Все действия подразделений РАО «ЕЭС России» и его последователей свелись к обеспечению поставок дешевой электроэнергии обособленным от энергосистемы КНР предприятиям-потребителям, которыми, вероятно, владеют российские юридические и физические лица⁵. А благорасположение китайских властей к такой схеме позволяет предположить, что производимый этими предприятиями товар вывозился в Россию, а возможно, и в другие страны.

4. В 2009 г. учтенный экспорт электроэнергии в Китай составил около 854 млрд. кВт·час¹², при общей выработке Амурской энергосистемы в 11,6 млрд. кВт·час, в том числе общей

выработке Зейской и Бурейской ГЭС (находящихся на территории Амурской области) в 10,3 млрд. кВт·час¹³. Внутреннее потребление в Амурской области составило 6,3 млрд кВт·час¹².

Сопоставляя эти цифры, представляется ошибочным (как это делает министр правительства Амурской области М.В.Дедошко) делать вывод о том, что «Амурская энергосистема не является дефицитной». Это якобы позволяет считать приемлемым активное развитие экспорта электроэнергии в Китай.

Проблемы внутреннего энергоснабжения и экспорта необходимо рассматривать не только через местечковое видение энергопотенциала и потребностей Амурской области, а через призму интересов всех субъектов страны, входящих в ОЭС Востока.

Зейская и Бурейская ГЭС как составная часть этой энергосистемы обслуживают не только Амурсскую область, но и других дальневосточных потребителей.

Поэтому нельзя утверждать об «отсутствии дефицита в Амурской энергосистеме» на фоне вывода в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»¹⁴: «В объединенной энергетической системе Востока ограничена выдача мощности Зейской ГЭС, Комсомольских ТЭЦ-2, ТЭЦ-3, Хабаровских ТЭЦ-1, ТЭЦ-3 и Амурской ТЭЦ-1, а также Нерюнгринской ГРЭС. Ограничения выдачи мощности электростанций и недостаточная пропускная способность межсистемных линий электропередачи приводят к эффекту «запертых мощностей», снижающему эффективность работы энергосистемы в целом.

Таким образом, в настоящее время наличие сетевых ограничений и «запирание мощности» в объединенной энергетической системе Востока является одним из факторов, не позволяющих устранить дефицит мощности на юге Приморского края за счет перетоков электроэнергии из районов, избыточных по электрической мощности (Южно-Якутского энергорайона Республики Саха (Якутия), амурской энергосистемы)».

Вероятно, такая констатация в важном стратегическом документе не потребовалась, если бы не ошибки или элементы коррупции, имеющие место в этой области. Многие из указанных недостатков могли быть устранины еще до разрушения РАО «ЕЭС России». Однако анализ показывает, что предвкушение барышей от расширения экспорта электроэнергии в Китай перевешивает общегосударственные интересы.

Например, предусмотренные Инвестиционной программой РАО «ЕЭС России» на 2004–2006 гг. работы по переводу воздушных линий «Приморская ГРЭС – Чугуевка», пропускной способностью 2 × 501 МВА на напряжение 500 кВ и сооружению в 2004–2006 гг. ВЛ-500 кВ «Дальневосточная – Владивосток» остались невыполнеными¹⁰.

Несмотря на отмечавшуюся еще в 2001 г. острую необходимость строительства в Приморском крае ВЛ-500, РАО «ЕЭС России» использовала соответствующие средства для сооружения в 2006–2007 гг. аналогичной по протяженности и затратам ВЛ-500 в Амурской области, предназначеннной для экспорта в Китай электроэнергии, закупаемой вышеупомянутой компанией «Сириус-энерго» (дочерней компанией РАО «ЕЭС России»)*.

* Немаловажно то, что при строительстве этой ВЛ-500 кВ на территории Амурской области китайская сторона организовала сооружение приемной подстанции, в которой предусмотрена так называемая «постоянная вставка» (инвертор), разделяющий энергосистемы России и Китая. Наличие инвертора исключает необходимость поддержания единой частоты в двух энергосистемах, однако в данном случае он был выполнен в варианте пропуска электроэнергии только в одном направлении: из России в Китай. Следовательно, поставки электроэнергии из Китая технически невозможны и не планируются. Сооружение «экспортной» ВЛ-500 не соответствует целям создания МГЭО.

Важно отметить, что строительство этой экспортной линии не предусматривалось «Мероприятиями по строительству электросетевых объектов выдачи мощности Бурейской ГЭС и обеспечению надежности электроснабжения Дальневосточного региона», утвержденными 28 августа 2001 г. заместителем председателя РАО «ЕЭС России» А.Н.Раппопортом¹⁰. Было бы целесообразно, чтобы Счетная палата РФ уточнила, на какие материальные и финансовые средства была построена ЛЭП в КНР, предназначенная для поставки электроэнергии на локальные обособленные промышленные объекты в Китае, деятельность которых не афишируется.

Невыгодный для страны акцент на значительное увеличение экспорта электроэнергии в Китай сохранится и в будущем.

В соответствии с прогнозом Минэнерго России, в 2020 г. из ОЭС Дальнего Востока предполагается экспорттировать 23,4 млрд. кВт·час электроэнергии, в то время как внутреннее энергопотребление в регионе составит 38,7 млрд. кВт·час¹⁵.

Соответствует ли это интересам общеэкономического развития российского Дальнего Востока?

Специалисты предупреждают⁶ о негативных последствиях для энергообеспечения Дальнего Востока в случае организации ежегодного экспорта из ОЭС Дальнего Востока в Китай 3,6–4,3 млрд. кВт·час электроэнергии (в соответствии с обязательствами, принятыми Россией в рамках долгосрочного Соглашения от 1 июля 2005 г.). Такие цифры приводятся и в последнем прогнозе Минэнерго России¹⁵.

Для выполнения этих обязательств Российской стороне необходимо круглогодичное использование 411–490 тыс. кВт генерирующих мощностей, например, Бурейской ГЭС.

Сюда следует добавить мощность как минимум еще одного резервного агрегата ГЭС (185 тыс. кВт) на случай ремонта, обязательных регламентных работ и т.д.

Таким образом, для нужд экономики России фактически остается менее 400 тыс. кВт генерирующих мощностей Бурейской ГЭС, несмотря на то что ее установленная мощность составляет 2 млн. кВт.

Аналогичные ограничения должны быть установлены и для Зейской ГЭС.

Такое снижение реальной мощности этих основных станций Дальнего Востока (на них приходится более половины установленной мощности в регионе) объясняется ограничениями по притоку воды в водохранилища Бурейской и Зейской ГЭС.

По этой причине при круглогодичной стационарной работе Бурейской ГЭС возможно использование только 811 тыс. кВт ее генерирующих мощностей из вышеуказанных 2 млн. кВт установленной мощности.

А для Зейской ГЭС возможно использование только 560 тыс. кВт из 1 млн. 330 тыс. кВт ее установленной мощности.

Более того, функционировать в режиме максимальной мощности эти две ГЭС могут лишь временно. Обе станции предназначены для эффективного снятия пиковых нагрузок и сохранения устойчивости ОЭС Дальнего Востока.

Именно несоблюдение этого ключевого закона гидроэнергетики и стало непосредственной причиной катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС.

В соответствии с этим, при ежегодном экспорте из ОЭС Дальнего Востока в Китай 3,6–4,3 млрд. кВт·час электроэнергии на условиях подписанного долгосрочного Соглашения (от 1 июля 2005 г.), для российского потребителя останется менее 400 тыс. кВт из 811 тыс. кВт расчетной мощности Бурейской ГЭС и около 1 млн. кВт для работы в краткосрочном режиме пиковых нагрузок.

Это означает, что, когда энергопотребление в краях и областях ДВР, а также в Якутии и Приморье превысит уровень 1991 г., в ОЭС Дальнего Востока возникнет значительный и устойчивый дефицит мощности.

Необходимо исследование всего комплекса вопросов экспорта электроэнергии в КНР, целью которого должна быть оценка разумных масштабов и перспектив сотрудничества в этой области, не допускающего ущерба общегосударственным интересам России.

В ДВР расширяются существующие и строятся новые морские порты, (угольный терминал в Ванино и нефтяной порт Козьмино, ведется строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, принято решение о строительстве космодрома в Амурской области и т.д.). Всего в регионе строится около 50 промышленных объектов. Поэтому в будущем электропотребление в ОЭС Дальнего Востока возрастет.

Однако в проектах экспорта электроэнергии предполагаемый рост объема производства на территории ДВР не учитывается.

Среди многих вопросов, которые необходимо рассмотреть в рамках такого анализа, важно учесть особенности энергоснабжения ДВР. В частности, все без исключения ТЭЦ и ГРЭС кроме выработки электроэнергии 7–9 месяцев в году еще и отапливают города региона. Совмещение этих функций уменьшает себестоимость общего процесса производства тепла в электроэнергии. Поэтому даже реально существующие резервы генерации технологически неотделимы от производства тепла. «Чистого» резерва установленных мощностей не существует. Имеет место лишь временное технологическое несоответствие условий производства и потребления электроэнергии в ОЭС Дальнего Востока, вызванное падением объемов промышленного производства в ДВР и последующим изменением структуры потребления.

Таким образом, из изложенного следует, что в ОЭС дальнего Востока отсутствует «чистый» резерв мощности для выработки электроэнергии, кото-

рую можно было бы устойчиво и в течение длительного времени передавать в КНР в объемах, заявленных в Соглашении от 1 июля 2005 г. Это означает, что российские энергетики, пытаясь заключить долгосрочные контракты на поставку электроэнергии в КНР под требуемые китайской стороной государственные гарантии, оперировали ошибочно исчисленными, несуществующими резервами мощностей.

Особо следует подчеркнуть негативные экологические последствия для наиболее освоенных, ключевых для региона южных районов Дальнего Востока в случае активизации экспорта электроэнергии в Китай. Вот некоторые аргументы.

В случае предоставления государственных гарантий для выполнения подписанных РАО «ЕЭС России» соглашений о поставках электроэнергии в Китай потребуется построить новые генерирующие мощности, возможно, равные, по оценкам специалистов, существующим сегодня в ОЭС Дальнего Востока. Предусматривается строительство ГЭС (двух Нижнезейских и одной Нижнебурейской станций), что приведет к затоплению значительной территории на юге ДВР. Последствия подобных действий должны быть всесторонне исследованы. Тем более что население региона имеет негативный опыт эксплуатации уже существующих водохранилищ на трех основных притоках Амура – Сунгари, Зее и Бурея.

Затопление неочищенных от леса и торфяников пойм Зеи и Бурея привело к резкому снижению качества воды в среднем и нижнем течении Амура на общем протяжении свыше 2000 км. Теперь эта вода не может использоваться ни для потребления населением, ни для полива. Но комплексных исследований произошедших при этом изменений и вновь возникших проблем не проводилось. Исследования носят локальный

характер и в основном связаны с анализами качества воды. Их результаты и отмечаемые различными комиссиями другие негативные последствия не афишируются, что исключает возможность объективной оценки причин миграции населения ДВР, численность которого сегодня является одним из главных факторов, определяющих экономическое развитие региона.

Кроме строительства новых ГЭС предполагается строительство, целенаправленно для экспорта в Китай, ряда новых ТЭС. В частности, предполагается строительство второй очереди Благовещенской ТЭЦ мощностью 180 тыс. кВт и ЛЭП-500 «Благовещенск – Хэйхэ», экспортной Ерковецкой ТЭС мощностью 3,8 млн. кВт и объемом потребления угля до 15 млн. т в год, Ургальской экспортной ТЭС мощностью 2,4 млн. кВт и др.

В этой связи возникают вопросы о том, что реально приобретет Россия от масштабного экспорта электроэнергии в Китай (с политической, социально-экономической и экологической точек зрения). Такие вопросы закономерны, учитывая то, что этот вид сотрудничества в мире мало распространен, а также то, что продажа российской электроэнергии Китаю осуществляется в рамках непонятных схем.

Экологические аспекты такого сотрудничества приобретают особую значимость.

На первый взгляд, под тепловые станции занимаются минимальные площади. Сооружения ТЭЦ с дымящей трубой – и все. Однако не принимаются в расчет угле- и золохранилища, площади с открытыми разработками месторождений угля с карьерами и терриконами отвалов пустой породы, которые следовало бы включить в зону отчуждения такой ТЭЦ или ТЭС. Нужно прибавить понижение уровня подземных вод, например, в окрестностях

Ерковецкого месторождения бурых углей, из-за создания глубоких разрезов для вскрыши угля, что лишило окрестные поля и поселки пресной воды. Не пустуют земли и при шахтной добыче угля.

При строительстве ТЭС и ТЭЦ нет отселения населения. Здесь фактически люди становятся заложниками производства электричества, расплачиваясь за это здоровьем.

Из космоса на десятки и сотни километров прослежены по розе ветров зоны выбросов газов от Благовещенской ТЭЦ, построенной почти в центре города и большую часть года накрывающей своими выбросами жилые кварталы. Медиками Благовещенска давно и неоднократно доказано возрастание различного рода заболеваний, в первую очередь у детей, с приближением жилых построек к ТЭЦ. К этому следует прибавить пыль от угля и шлаков, загрязнение подземных и речных вод. Доставка бурого угля от месторождений по железной дороге (от Харанорского месторождения в Читинской области и из других районов) сопровождается загрязнением полосы земли и леса вдоль Транссиба.

В итоге получается: на российской стороне остаются все ядовитые продукты сгорания угля в ТЭС, копоть, сажа, жители региона получают истощенные и загрязненные воды, изуродованный ландшафт от ГЭС и ТЭС, уничтоженные рыбные запасы и деградированное биоразнообразие, усугубление социальных проблем. Китай же получает исключительно дешевую чистую энергию.

Из сказанного можно сделать следующие принципиальные выводы:

1. Созданная в результате разрушения РАО «ЕЭС России» система энергоснабжения Дальнего Востока не направлена на приоритетное обеспечение

потребностей социально-экономического развития и природоохраны в этом регионе. Более того, положение с энергообеспечением продолжает ухудшаться (несмотря на ввод в эксплуатацию Бурейской ГЭС), что неуклонно снижает качество жизни людей и природы в наиболее освоенных районах региона, активизируя, катастрофические для России потери народонаселения.

2. Развитие энергетической отрасли с целью активизации экспорта электроэнергии из энергодефицитного региона Дальнего Востока в Китай является грубой стратегической ошибкой. Она усугубит социально-экономическое положение в регионе, ускорит деградацию окружающей среды в наиболее важных для нашей страны освоенных районах в бассейне Амура, что в ко-

нечном итоге осложнит geopolитические позиции России в регионе.

Необходимы тщательные научно-исследовательские проработки по всему комплексу указанных вопросов, главной целью которых является выработка мер по обеспечению фундаментальных интересов России на Дальнем Востоке, в частности необходимы неотложные меры по устранению недостатков, выявленных при разработке «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

3. Необходимо расследование ущерба, нанесенного России от экспорта электроэнергии из регионов Якутии, Восточной Сибири и Дальнего Востока в Китай, осуществляемого в рамках внеправовых схем.

Торговля водоемкой продукцией – не альтернатива перераспределению стока

Государственным интересам России противоречит продвигаемая в некоторых зарубежных и российских публикациях идея торговли водоемкой продукцией как альтернативы бассейновому и межбассейновому перераспределению водных ресурсов для решения проблем нехватки воды.

Такое противопоставление двух подходов содержится в работе В.И.Данилова-Данильянца¹⁶.

Вот выдержка из этой статьи: «Экономическое процветание развитых стран в значительной степени обусловлено умелым использованием эффекта масштаба, когда отдача каждой следующей единицы затрат увеличивается с ростом объемов производства. Причины, формирующие возможность эффекта масштаба, действуют в обрабатывающей промышленности, особенно в массовом производстве и высокотехнологичных отраслях. В водопользовании, эксплуатации минеральных и биологических ресурсов, землепользовании подобные причины перекрываются иными факторами – действует

закон убывающей эффективности. Затраты на транспортировку воды в масштабах ее промышленного, хозяйственно-питьевого и сельскохозяйственного применения (в куб. км) претерпевают резкий скачок при пересечении границ бассейна».

В этой цитате содержится недопустимое смешение и подмена близких, но разных по природе понятий. Помощью такой подмены автор как бы подводит к выводу о недопустимо «резком скачке затрат при пересечении границ бассейна», иными словами о неэффективности и бесперспективности внутрибассейнового и межбассейнового перераспределения водных ресурсов.

Полагаем, что указанное теоретическое искажение по важному для России вопросу неприемлемо.

В мировой экономической науке и практике в таких случаях оперируют двумя понятиями:

1. «Эффект (экономика) масштаба» (*economy of scale*);

2. «Эффект (экономия) от совмещения» (*economy of scope*), который характеризует снижение затрат (и другие выгоды) вследствие особенностей капитального актива (в данном случае – воды, переброшенной из одного района в другой).

Первый термин совершенно справедливо используется применительно к обрабатывающей промышленности. Однако применительно к внутрибассейновой и межбассейновой транспортировке водных ресурсов следует использовать второй термин. Нельзя, как это делает автор статьи, умалчивать об особенностях транспортировки стока, характеризовать ее только одним фактором – действием закона убывающей эффективности. В результате перераспределения стока решается множество важнейших для страны задач: геополитических, межгосударственных, социально-экономических, обеспечения безопасности страны и т.д.

Решение этих задач, по нашему мнению, с лихвой покрывает затраты на создание инфраструктуры по перераспределению речного стока, о чем свидетельствует зарубежный опыт, в частности США, Китая, Индии, Канады, Австралии.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания опыт водохозяйственного строительства в Китае.

Мощный экономический потенциал, единая, хорошо продуманная, впитавшая в себя многовековой опыт государственная система управления водными ресурсами позволила Китаю в 2002 г. приступить к реализации одного из самых крупных в истории человечества водохозяйственных проектов. Этот проект – переброска части стока из хорошо обеспеченного водными ресурсами юга (бассейн р. Янцзы) на север страны, где острый недостаток в воде стал тормозом для развития этого региона.

Реализация этого гигантского проекта стоимостью 62 млрд. долл. позволит к 2050 г. обеспечить ежегодную переброску в различные регионы севера страны около 45 куб. км воды, тем самым обеспечить нормальную жизнедеятельность 300 млн. жителей и активный рост экономики¹⁷.

После завершения строительства основные водные артерии страны (р. Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Хэйхэ) будут представлять единую многоцелевую водохозяйственную систему. Это будет достигнуто посредством переброски стока по трем маршрутам, простирающимся с юга на север и берущим начало на водостоке, в центре и на западе страны.

Восточный маршрут предусматривает строительство головных водозаборных сооружений в низовьях р. Янцзы в районе г. Янчжоу, с последующей переброской до 15 куб. км воды в испытывающие острую нехватку воды северные провинции.

Там находятся крупнейшие города страны – столица Пекин и г. Тяньцзинь.

Для переброски стока в различной степени будет использована инфраструктура существующего в течение веков многоцелевого Великого канала.

Переброска осуществляется на расстояние 1155 км с подъемом воды в горной местности на 65 м каскадной системой из 75 насосных станций.

Предусматривается также строительство системы туннелей.

Уже начата проходка 8-километрового туннеля под р. Хуанхэ (Желтая).

Строительство, начатое в 2002 г., позволило в 2008 г. (к открытию Олимпиады в Пекине) обеспечить дополнительные ежегодные поставки в этот район около 4,5 куб. км воды.

Центральный маршрут – переброска стока будет осуществляться из водохранилища Данцзякоу на р. Хан (с подпиткой из недавно построенного водохранилища самого крупного в мире гидроузла «Три ущелья» в среднем течении р. Янцзы) в направлении северных провинций Хенань и Хебей (конечный пункт – район городов

Пекина и Тяньцзиня). Вода будет транспортироваться самотеком по системе каналов и туннелей на расстояние 1267 км, с доведением к 2030 г. объема перебросок до 13–14 куб. км/г.

Западный маршрут – переброски стока в высокогорные засушливые районы верховий р. Хуанхэ, плато Тибет и Внутренней Монголии будет осуществляться через водозабор из планируемых на притоках р. Янцзы водохранилищ через систему туннелей и трубопроводов.

Предположительно работы начнутся в 2010 г. и будут осуществлены в три этапа.

После завершения строительства, к 2050 г. мощность переброски может достигнуть 17 куб. км воды в год.

Структура управления реализацией проекта переброски включает Руководящий комитет, возглавляемый Госсоветом КНР, провинциальные и муниципальные руководящие комитеты, государственные компании для выполнения строительных и эксплуатационных работ по Восточному и Центральному направлению, а также государственные компании местного уровня для осуществления поставок воды потребителям.

Реализация практических работ по проекту осуществляется специально созданной Государственной компанией по переброскам стока Юг – Север.

Расходы на реализацию проекта распределены:

- 20% – капиталовложения правительства Китая,
- 35% – платежи провинций, которые будут пользоваться водой,
- 45% – средства займов у различных банков, в том числе иностранных¹⁸.

Система платежей водопользователей и водопотребителей предполагает, что компании Восточного и Центрального направлений переброски стока будут осуществлять сборы за предоставляемую воду с соответствующими провинциальными компаниями, а те, в свою очередь, с водопотребителей. Эти платежи частично будут использоваться для погашения вышеуказанных займов, взятых у банков.

Естественно, реализация проекта переброски стока может оказать значительное воздействие на окружающую среду, прежде всего привести к ухудшению качества воды и состояния экосистем в низовьях р. Янцзы и в районах всех трех направлений переброски стока. Ключевое значение имеет сохранение и улучшение качества воды в бассейне р. Янцзы как источника водных ресурсов для всего проекта перебросок.

Ситуация с качеством воды в бассейне может значительно усугубиться в связи с недавним завершением строительства гидроузла «Три ущелья». Созданное гигантское водохранилище изменит гидрологический, гидрохимический и гидробиологический режим в среднем течении и низовьях р. Янцзы, что может ухудшить качество перебрасываемых на север вод.

Поэтому как неотъемлемая часть работ по переброске стока предусмотрена реализация масштабных мер по сохранению и улучшению качества воды в р. Янцзы и в районах переброски.

Правительство Китая предполагает вложить в течение 2005–2010 гг. 4,8 млрд. долл. в строительство 150 новых крупных очистных сооружений и 170 современных пунктов удаления отходов в среднем и в верхнем течении р. Янцзы¹⁹.

Многие из этих проектов реализуются с привлечением инвестиций из-за рубежа.

Одним из таких проектов является создание системы очистных сооружений и удаления отходов в районе г. Чунцин. Этот 32-миллионный урбанизированный район расположен выше по течению Янцзы от водохранилища гидроузла «Три ущелья». Стоимость проекта составляет около 500 млн. долл.¹⁹.

Следует подчеркнуть, что немногие страны располагают распорядительными органами, потенциалом управления, политической волей руководства, чтобы успешно выполнить такой гран-

диозный проект, как «Юг – Север». Особенно если эти условия помножены на высокий созидательный дух китайского народа.

В своей водохозяйственной политике, в том числе при реализации проекта переброски стока «Юг – Север», руководство Китая вовсе не полагается на многочисленные (в основном зарубежные) рекомендации развивать внешнюю и внутреннюю торговлю водонеским продукцией, включая обеспечение продовольственной безопасности. Такая позиция китайского руководства диктуется двумя ключевыми факторами.

Во-первых, в основу государственной политики заложен принцип самообеспечения страны продовольствием, предполагающий, прежде всего, полное обеспечение зерном, отказ от его импорта. В последние годы Китай уже близок к достижению этой цели.

Во-вторых, реализация беспрецедентного по масштабам, финансированию и воздействию на социально-экономические условия проекта переброски стока «Юг – Север» позволит:

- решить проблему водообеспечения засушливых, испытывающих нехватку воды северных районов Китая, где находится основной экономический потенциал страны;

- обеспечить водой неспокойные вододефицитные районы северо-запада страны, где сильны сепаратистские настроения.

Рассматривая положение в России через призму мирового опыта и практики освоения национального водохозяйственного потенциала, приходится признать, что Россия отброшена на мировую обочину развития этого потенциала.

Такой вывод неизбежен при сравнении, в частности, упомянутых цифр мизерного финансирования водного хозяйства в России и объемов капиталовложений

в водный сектор экономически развитых и развивающихся стран, таких как США, страны ЕС, Китай и др. Как уже отмечалось, является декларативной заявленная в Стратегии цель «формирование реальных предпосылок к реализации конкурентных преимуществ российского водоресурсного потенциала», поскольку отсутствуют реальные возможности для такого развития – политические, экономические, организационные.

Особенно четко это проявляется на фоне активной политики других стран в указанной области.

Конкурентоспособность в области водных ресурсов в реалиях Водной стратегии РФ означает реализацию подхода к водным ресурсам как к товару, которым богата Россия и который, как и другие виды ресурсов, будет выставляться на мировом рынке.

Недопустимо строить политику на таком представлении.

Напротив, вода – это не достояние, выставляемое на продажу, а доставшееся нам от Бога уникальное наследие, попользовавшись которым, мы должны передать его будущим поколениям. Здесь уместно полностью поддержать изложенную выше позицию Евросоюза в отношении воды, отражающую трепетное отношение к воде как всеобщему благу, несовместимым с частным присвоением и управлением.

В водохозяйственном строительстве, как следует из Водной стратегии РФ, за 10 лет не предполагается реализации ни одного крупного инфраструктурного проекта.

Как уже отмечалось, показателем деградации водного хозяйства России является положение в ирригационном секторе. Согласно Водной стратегии РФ, к 2020 г. предполагается довести поливные площади до 6 млн. га, то есть выйти только на уровень 1990 г. Заложенное в этом водохозяйственном документе стратегически опасное без-

действие России в области водного хозяйства может иметь для нее негативные геополитические последствия, вплоть до распада того, что осталось от исторической России после разрушения СССР.

К сожалению, пассионарные качества нашего народа (способность перенапрягать силы во имя великой цели), которые сейчас демонстрируют китайцы, не востребованы в новой России*.

Не только в Водной стратегии РФ, но и в Концепции социально-экономического развития страны до 2020 г. (Концепция 2020), на которую ориентируется Стратегия, отсутствуют задачи социального сплочения российского общества, что так убедительно демонстрирует водохозяйственное строительство в других странах. На этот провал в российских стратегических документах обращают внимание компетентные ученые²¹.

Показательным примером отсутствия единства и даже раскола в российском обществе является отношение к вопросу переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Подтверждением тому является позиция сторонников и противников этого проекта, а именно:

Согласно представлениям сторонников переброски, полный отказ в 1986 г. от реализации проекта по переброске части стока сибирских рек в бассейн Аральского моря был ошибкой. Его реализация не только укрепила бы вековые связи народов СССР, но и противодействовала бы разрушению нашей страны.

Вот мнение, высказанное С.П.Капицей, на Международной конференции «Инженерное искусство в развитии цивилизации» (Москва, 6–8 декабря 2003 г.): «Проект сибир-

ской переброски стока в Среднюю Азию был зарублен эмоциями народившегося «зеленого» движения во главе с Залыгиным и иже с ними. Но подобные проекты нужны – когда строился канал Волга – Москва никто не думал, что Москва вместо 2 млн. чел. будет иметь 11 млн. Но что бы было с нами сейчас, если бы этого канала не было... Средняя Азия наш сосед и нам не безразлично, что там происходит, и будет происходить.

Там идет интенсивный прирост населения, кстати, за счет нашего бывшего советского здравоохранения, с другой стороны – идет миграция беднейшего сельского населения в города, что, в конечном счете, может взорвать этот регион. Совершенно недопустимо, если на нашей южной границе появится бушующее пространство».

Действительно, сейчас становится очевидным исключительно важное геополитическое значение для России проекта переброски стока в Среднюю Азию.

В новых странах этого региона (без Казахстана) проживает 40 млн. человек, к 2025 г. население возрастет до 60 млн. чел., а к 2050 г. – до 100 млн. чел. Об этом информирует портал CAWATERinfo (водные ресурсы Средней Азии) и помещенная в нем статья проф. В.А.Духовного: «Новые аспекты старых проектов (возвращаясь к вопросу о переброске стока сибирских рек», 2004 г.).

Россия не имеет права равнодушно взирать на указанные процессы, приобретающие катастрофический характер на фоне неуклонно усугубляющихся проблем водообеспечения в этом регионе. Эти процессы могут взорвать не только регион, но также нанести нашей стране непоправимый геополитический ущерб.

Одним из ключевых средств сохранения жизнеспособности нашего госу-

* Такое различие между китайцами и современными россиянами подметили и иностранцы. С этим фактически согласился даже Президент России Д.А.Медведев²⁰.

дарства могла бы стать реализация вышеуказанного проекта по переброске стока. Те, кто жил и работал в Средней Азии, хорошо знают два факта:

1. Общепризнанную исторически важную роль русских в преодолении отсталости в регионе.

2. Москва в 1991 г. предала своих граждан в регионе.

С этих двух позиций новый акцент на важный для Средней Азии проект будет переворотом в сознании народов этого региона, фактом, конкретно доказывающим желание России восстановить свою позитивную роль в регионе. Проект переброски – это отнюдь не «точечная» или «ковровая» борьба Запада с терроризмом, в результате которой уничтожаются целые страны и гибнут массы мирных людей.

Этот проект стал бы продолжением евразийского подвига русского народа, который, по словам Н.М.Карамзина, «смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейства, употребленные другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего».

На этом пути предстоит также преодолеть огромное сопротивление процессам укрепления связей России со странами Средней Азии.

Примером такого противодействия может служить заложенная в Водной стратегии РФ до 2020 года идея торговли водоемкой продукцией как альтернативы территориальному перераспределению водных ресурсов.

Игнорируется опыт успешных стран, которые при принятии решений о перераспределении водных ресурсов руководствуются далеко не только гидрологическими аргументами. Более того, в Стратегии не только отсутствует перспектива

развития водных ресурсов и каких-либо крупных водохозяйственных проектов, но весь водохозяйственный комплекс страны фактически переориентируется на обслуживание экспортного сырья из России, включая торговлю реальной водой.

Следует объективно относиться к упомянутым С.П.Капицей сторонникам «зеленого» движения, многие из которых, искренне озабоченные возможными негативными экологическими последствиями переброски части стока сибирских рек, выступали против этого проекта. Их позиция, к сожалению, объединенная с позицией недоброжелателей России, на фоне убогого государственного мышления оказавшегося предателем Горбачева, и стала причиной того, что в 1986 г. были прекращены даже научно-исследовательские проработки этого проекта.

Тем самым был нарушен естественный процесс поступательного развития водного хозяйства страны, без которого не может выжить ни одна самостоятельная держава, тем более такая уникальная страна, как Россия.

Что касается осуществимости проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, то к настоящему времени существенно изменились факторы, определяющие позицию по этому вопросу.

Во-первых, одним из главных возражений экологов было то, что отбор 7% стока Оби окажет негативное воздействие на климатическую систему Арктики. Результаты исследований российских, американских и европейских гидрологов и климатологов свидетельствуют об увеличении водности сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан²².

Во-вторых, Казахстан и новые государства Средней Азии, прежде всего Туркменистан и Узбекистан, крайне заинтересованы в реализации проекта и,

вероятно, смогут внести экономический вклад в его реализацию.

В этой ситуации недопустимо брасывание высокими должностными лицами непроверенных данных о стоимости проекта переброски стока (500 млрд. долл.).

Это сделал председатель Экспертного совета по разработке Водной стратегии РФ В.И.Данилов-Данильян в интервью радиостанции «Эхо Москвы» (26 августа 2010 г.). Тем более что год назад журналу «Государственное управление ресурсами» (№ 3, 2009 г.) он называл цифру 300 млрд. долл.²³. А еще полугодом ранее, выступая на XII Петербургском международном экономическом форуме, В.И.Данилов-Данильян утверждал, что стоимость проекта составит почти 200 млрд. долл. (июнь 2008 г.), а в 1983 г., по его словам, проект оценивался в 17 млрд. долл.

Для справки: в 1991 г. стоимость проекта оценивалась в 18 млрд. руб., против которой активно выступал академик А.Л.Яншин, считая эту стоимость завышенной²⁴.

Недопустимо такое жонглирование цифрами, которые могут повлиять на принятие тех или иных политических решений. Можно только предположить, что на сегодняшний день действительная стоимость проекта не должна превышать 62 млрд. долл., то есть стоимости китайского проекта «Юг – Север», масштабы, сложность и технологическая новизна которого беспрецедентны.

В-третьих, активная реализация китайского проекта переброски стока сопровождается внедрением современных технологий создания водохозяйственной инфраструктуры, включая строительство сложнейших объектов водозаборов, насосных станций, каналов, туннелей, трубопроводов и водовыпусков. Тщательное изучение этого опыта создаст основу для нового (с учетом научно-технического прогресса) взгля-

да на вопрос переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, в том числе предоставить обоснованную информацию о затратах и экологических последствиях реализации проекта.

Ключевыми аргументами противников проекта переброски стока сибирских рек в Среднюю Азию являются следующие.

В советское время было построено немало водоводов для территориального перераспределения речного стока и подачи воды в безводные или маловодные районы.

Вот только лишь некоторые из них:

- канал им. Москвы с забором воды из Волги для Москвы и области;
- Большой Саратовский канал с подачей воды в Заволжье;
- Кулундинский канал в Сибири;
- канал Иртыш – Караганда и Большой Алма-Атинский канал (Казахстан);
- Большой Ферганский, Большой Андижанский, Южно-Голодностепеский, Каршинский каналы и др. (Узбекистан);
- Самур-Дивичинский (Самур-Апшеронский) канал (Азербайджан);
- Кара-Кумский канал в Туркмении длиной около 2000 км с подачей воды из Аму-Дарьи для обводнения старых оазисов (Мургабского, Тедженского), а также освоения земель в пустыне вплоть до Каспийского моря;
- в Грузии построен Верхне-Самгорский канал с подачей воды из р. Иори в глубокую впадину возле г. Тбилиси, позволивший заполнить ее с созданием Тбилисского моря и построить оросительные системы для орошения засушливой Самгорской степи.

Все эти и другие реализованные проекты носили комплексный характер. Они были рассчитаны на водоснабжение населения и промышленности, обводнение и орошение земель, улучшение судоходства, рыбного хозяйства, энергетики, рекреации.

К сожалению, в конце советской эпохи накопившим большой опыт во-

дохозяйственного строительства специалистам была подкинута идея поворота сибирских рек, главным образом в Узбекистан. Работы по переброске стока в СССР были засекречены. Несмотря на это, общественность страны очень скоро разобралась в необоснованности проекта в техническом, социально-экономическом и экологическом отношении и выступила против его реализации. В 1986 г. было принято постановление правительства о прекращении этих работ. К сожалению, повороты рек вызвали антимелиоративный и антигидротехнический шок в обществе, что вкупе с разрушительной перестройкой и реформами привело к прекращению всех работ по перераспределению речного стока и последующей гибели многих мелиоративных систем.

В современной России остро стоят проблемы повышения водообеспеченности засушливых регионов, особенно Ставрополья, Заволжья, Калмыкии, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей.

Вместо решения этих задач вновь вброшен вредительский проект поворота сибирских рек, который один из авторов настоящей работы, проф. М.Я.Лемешев, в 2003 г. справедливо назвал «реанимацией преступного проекта века». Другой автор, академик РАСХН Б.С.Маслов, в брошюре «Там, за поворотом...» (2003 г.) назвал проект «панамой XXI века», имея в виду работы в последней четверти XIX в. по строительству Панамского канала французской компанией аферистов и мошенников, что дало миру негативное понятие «панама».

Помимо огромных затрат – не менее 40–60 млрд. долл. (эти цифры называли министр мелиорации и водного хозяйства СССР Е.Е.Алексеевский и проф. Ф.Миклин из Мичиганского университета США, активно поддерживавший переброски), поворот рек нанесет огромный, никем не подсчи-

танный урон природе и жизни людей в районах отбора, транспортировки и распределения воды. Зона канала, которая будет значительно шире зоны Панамского канала, рассечет Россию на две части. Существование этой зоны может иметь для России непредсказуемые негативные последствия.

Реаниматоры проекта (Ю.М.Лужков, П.А.Полад-заде, и др.) не обращают внимания на то, что вода в Средней Азии никому не нужна, там даже при сохранении существующей ситуации местных вод достаточно на многие десятилетия и даже столетия. Поэтому правительства стран Средней Азии не поднимают этот вопрос! Туркменистан обеспечен водой из Аму-Дарьи и Каракумского канала, развивает водные ресурсы за счет строительства водохранилищ на малых реках (недавно закончил совместно с Ираном строительство одного из них для совместного использования).

Воды много, но она используется на глаз из-за архаичных оросительных систем с ее распределением без создания водомерных сооружений.

По данным Всемирного банка (доклад «Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря», Ташкент, 2002 г.), из объемов воды, подаваемой на орошение и рассоление почв, 73% ее теряется. А с учетом потерь на полях эта цифра достигает 80%.

Другими словами, коэффициент полезного использования воды в орошении (а это основная статья водопотребления!) – менее 20%.

За счет реконструкции оросительных систем, повышения культуры использования воды рек Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Или, Нарына и многих других, дефицита воды здесь не ожидается. Поддерживают их недруги России. При этом Сибирский канал длиною 2130 км, шириной 200 м и глубиной 16 м должен идти против уклона

местности с подачей воды насосными станциями на высоту не менее 120 м с использованием многих миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Вода станет воистину золотой.

Даже в авторском коллективе книги «Вода или нефть» (ред. проф. Д.В.Козлов, 2009 г.) отсутствует согласие по вопросу о повороте рек. И это не случайно, так как научное обоснование проблемы не выполнено, нет ответа ни на один кардинальный вопрос о необходимости и целесообразности переброски.

Уже четыре десятилетия поворот рек является путами для водного хозяйства России.

Бывший мэр Москвы Ю.М.Лужков в книге «Вода и мир» (2008 г.) философствует: «Вода ресурс не менее значимый, чем нефть. И не надо быть Ноstrадамусом, чтобы предсказать: не научимся ее продавать – придется отдавать даром». Такое запугивание россиян не ново.

Разве не даром для российского народа опустошаются кладовые нефти страны, когда доходы от ее экспорта фактически идут в карманы олигархов? Стал ли хоть на йоту лучше жить народ российский от нефти?

Водное проклятие постигнет и при продаже реальной и условной воды в соответствии с концепциями сторонников такого бизнеса!

Не пора ли государству заняться экономикой страны, ее интенсивным развитием, как это осуществлялось во времена критикуемого ныне И.В.Сталина? Не пора ли не на словах, а на деле принимать решительные меры по восстановлению и развитию промышленности, сельского хозяйства, улучшению социальной сферы?

Несмотря на вышеуказанные разногласия, серьезные исследователи едини в том, что только в условиях адекватного водообеспечения хозяйственной и природоохранной деятельности южные районы Урала и Западной Сибири смо-

гут продолжать играть важную роль в комплексном социально-экономическом развитии России.

В этой связи вызывает сожаление то, что Концепция 2020, Водная стратегия РФ, а также Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г. (утверждена распоряжением правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р) не предусмотрели необходимых мер по развитию водного потенциала этого региона.

Должны быть учтены следующие особенности политической, экономической и водохозяйственной обстановки в бассейнах Иртыша и Оби.

1. Запланированный вклад Урала и Западной Сибири в обеспечение продовольственной безопасности страны возможен только при увеличении к 2020 г. в 9 раз площадей орошаемых земель в этих районах, что потребует увеличения в 10 раз безвозвратного водопотребления на нужды сельского хозяйства на юге Урала и Западной Сибири.

Это следует из Концепции развития комплексных мелиораций и повышения продуктивности мелиорируемых земель (2004 г.); проекта ФЦП «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на 2011–2015 гг. и на период до 2020 г.» (2009 г.); монографии «Водные ресурсы России и их использование», проф. И.А.Шикломанов ред. (2008 г.)²⁵.

2. Геополитические и экономические интересы России в этих районах требуют использования действительно уникального конкурентного преимущества нашей страны – потенциала внутреннего водного транспорта. В этой связи реализация предложений по созданию элементов Транспортно-энергетической водной системы Евразии (Трансуральский водный путь), транспортно-энергетическая реконструкция рек бассейна верхней Оби и создание Иртышско-Обской глубоководной магистрали от Китая до Северного моря

ского пути могли бы внести значительный вклад в выполнение положений Концепции 2020 по освоению природных ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока, Энергетической стратегии РФ до 2030 г. и других программ развития восточных регионов страны²⁶.

3. Ускоренная реализация Китаем работ по масштабному изъятию вод в верховьях Иртыша (из р. Черный Иртыш), а также возможные меры Казахстана по снижению вододефицита в верховьях Иртыша представляют реальную опасность для водообеспечения населения, экономики и природной среды рассматриваемых районов Урала и Сибири.

Активная инициативная и практически ориентированная позиция российской стороны по оптимизации на государственном и межгосударственном уровне использования водного потенциала указанных речных бассейнов позво-

лит обеспечить интересы нашей страны, создаст условия для сохранения мира и стабильности в обширном и ключевом для России регионе Евразии.

Изменившаяся geopolитическая и экономическая ситуация в регионе с учетом требований долгосрочного социально-экономического развития и охраны природы в районах Урала и Западной Сибири диктует необходимость проведения научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ по регулированию стока в бассейнах Иртыша и Верхней Оби. Цель таких работ – обеспечение современных и перспективных потребностей этих районов в воде и водных услугах. Кроме того, выполнение указанных работ создаст основу для решения вопроса о целесообразности и путях развития водохозяйственного сотрудничества с Казахстаном, странами Средней Азии и Китаем в новых geopolитических условиях.

Аргументация, представленная в настоящей статье, дает основание сделать вывод о том, что принятая к реализации в Водной стратегии Российской Федерации идея активизации обслуживания водным хозяйством сырьевого сектора экономики является неприемлемой с точки зрения общегосударственных интересов страны. Реализация этой идеи не станет вкладом в достижение главной стратегической цели Водной стратегии РФ – «гарантированного обеспечения водными ресурсами устойчивого социально-экономического развития РФ», а будет обслуживать узкокорыстные интересы частных и псевдогосударственных структур в недропользовании России.

Аналогично невозможно достижение указанной стратегической цели Водной стратегии РФ и при навязывании однобокого пути развития в сельском хозяйстве, поскольку целенаправленное развитие только зернового хозяйства для активизации экспорта зерна (на фоне разрушенного агропромышленного комплекса страны и гигантского импорта продовольствия) также служит только узкокорыстным интересам экспортёров российского зерна.

Не соответствует действительности утверждение сторонников активизации торговли водоёмкой продукцией, что такая торговля позволит смягчить вододефицит в мире. Несостоятельность этого утверждения доказана авторитетными исследованиями в системе ООН. Рассматривая идею активизации торговли водоёмкой продукцией через призму процессов глобализации, неизбежен вывод о том, что эта идея отвечает интересам ТНК и продвигается их усилиями.

Что касается нехватки воды, то путь решения этой проблемы заключается в комплексном развитии водного хозяйства на принципах устойчивого развития, активизации усилий по повышению эффективности водопользования. Торговля

водоемкой продукцией не играет значимой роли в решении проблемы нехватки воды.

Торговля водоемкой продукцией не является альтернативой бассейновому и межбассейновому перераспределению речного стока. Интересы России требуют возобновления исследований по проекту переброски части стока сибирских рек в южные районы Урала и Западной Сибири. Реализация этого проекта внесет значительный вклад в возрождение российского водохозяйственного, сельскохозяйственного и промышленного потенциала, восстановление позитивных позиций нашей страны в регионе Евразии.

Идея активизации торговли водоемкой продукцией, которая предлагается в качестве теоретической основы для «руководства водными ресурсами», по нашему мнению, может всерьез рассматриваться при выполнении двух ключевых условий:

– методология, национальные и глобальные оценки торговли водоемкой продукцией только тогда станут точными и будут представлять реальный научный и практический интерес, когда человек научится управлять глобальным гидрологическим циклом. Неслучайно научно-исследовательские центры ООН, сделавшие оценки экономии условной воды на национальном и глобальном уровне, подчеркивают абсолютное несовершенство методологии оценки торговли водоемкой продукцией;

– преобладание гидрологической составляющей при принятии решений на национальном уровне о торговле водоемкой продукцией (прежде всего продовольствием) станет возможным только при наличии одинаковых общегосударственных интересов у подавляющего числа государств на земле. Провал попыток построить однополярный мир на хищнических принципах общества потребления подтверждает бесперспективность достижения указанной цели.

Примечания

¹ Camargo M. Brazil National Energy Plan. United Nations Environment Programme, Fifth Dams and Development Forum Meeting. Proceedings, 23–24 November 2006. Nairobi, Kenya // www.unep.org/dams

² Платонов В.В. Кризис электроэнергетики в России на американский манер // Промышленные ведомости. 2005. № 4,5, май.

³ Thomas S. (2004) The British model in Britain: failing slowly. Доклад, представленный на Международном семинаре “Thirty Years of World Energy Policy”. Hong Kong, 2004 // www.psiru.org/reportsindex.asp

⁴ Гельман М. // Промышленные ведомости. 2006. № 9 (спецвыпуск).

⁵ Губенко А.В., Татченко К.В. Перспективы экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в области электроэнергетики // Экономика и управление. 2009. № 8 (46) // <http://elibrary.ru/item.asp?id=12920888>

⁶ Губенко А.В., Татченко К.В. Анализ перспектив развития экспорта электроэнергии в Китай с позиций энергетической безопасности России // Экономика и управление. 2009. № 9 (47) // <http://elibrary.ru/item.asp?id=12926175>

⁷ Ответ заместителя руководителя Федеральной таможенной службы РФ Т.Н.Голендеевой № 01-13/64646 от 30 декабря 2010 г. на запрос депутата Госдумы РФ В.Д.Хахичева.

⁸ Кучеров Ю.Н., Ляшенко В.С., Смирнов И.М., Кобец Б.Б. Развитие межгосударственных электрических связей восточных регионов России со странами АТР // Восточная энергетическая политика России и проблемы интеграции в энергетическое пространство АТР. Институт систем

- энергетики им. Л.А.Мелентьева (ИСЭМ) СО РАН. Труды международной конференции, 22–26 сентября 1998 г., Иркутск.
- ⁹ Рудь В.С., Огнев А.Ю., Гамолян Н.Д., Филатова А.Д. Перспективы развития энергетики Дальнего Востока и создания межгосударственных энергетических связей // Энергетика России в XXI веке: Проблемы и научные основы устойчивого и безопасного развития. ИСЭМ СО РАН. Сб. докладов Всероссийской конференции, 14–17 сентября 2000 г. Иркутск. С. 363.
- ¹⁰ Татченко К.В. Некоторые вопросы обеспечения электроэнергией Дальнего Востока России. Владивосток, 2001.
- ¹¹ <http://www.sp-china.com/news/powernews/200509220001.htm>.
- ¹² Ответ министра экономического развития, промышленности и транспорта Амурской области М.В.Дедюшко №6824-14/1233 от 28 декабря 2010 г. на депутатский запрос фракции КПРФ в Госдуме РФ.
- ¹³ Сайт правительства Амурской области // <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24597&rt=2&c=4958>
- ¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Распоряжение правительства России от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.
- ¹⁵ Ответ заместителя министра Минэнерго РФ А.Н.Шишкина от 13 января 2011 г. № АШ-65/09 на запрос депутатов Госдумы РФ С.И.Штогрина и В.Д.Хахичева
- ¹⁶ Данилов-Данильян В.И. Вода – стратегический фактор развития экономики России // Вестник РАН. Т. 77. 2007. № 2.
- ¹⁷ China Modifies Water-Diversion Plan Over Environmental Concerns // The Wall Street Journal, 30.12.2008 // <http://chinadigitaltimes.net/2008/12/china-modifies-water-diversion-plan-over-environmental-concerns>.
- ¹⁸ US Water News Online: China's massive South-North Water Diversion Project Facing Money Woes 2004 // <http://www.uswaternews.com/archives/arcglobal/4chinmass12.html>
- ¹⁹ SPG Media Group Report. Chongqing Wastewater Project, Three Gorges Dam, China // <http://www.water-technology.net/projects/chongqing>
- ²⁰ Протокол встречи Президента России с политологами на Мировом политическом форуме. Ярославль, 10 сентября 2010 г. Официальный сайт Президента РФ.
- ²¹ Квинт В. План развития нашей экономики до 2020 года больше похож на заклинание // Аргументы и факты online. 16 июля 2008 г. // <http://www.aif.ru/money/opinions/478>
- ²² Лекция директора Государственного гидрологического института Росгидромета проф. И.А.Шикломанова. Труды XIV Всемирного метеорологического конгресса, Всемирная метеорологическая организация. Женева. 2003. Май.
- ²³ Интервью председателя Экспертного совета по разработке Водной стратегии РФ В.И.Данилова-Данильяна журналу «Государственное управление ресурсами». 2009. № 3.
- ²⁴ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Т. II. 2001 // http://www.kara-murza.ru/books/sc_b_sc_b_content.htm
- ²⁵ Шикломанов И.А. и др. Водные ресурсы России и их использование. Государственный гидрологический институт Росгидромета. СПб., 2008.
- ²⁶ Козлов Л.Н., Беляков А.А. Транспортно-энергетическая водная система (ТВЭС) Евразии и ее первоочередные проекты. 2009 // http://www.eabr.org/media/img/rus/publications/magazine/no2/n1_2009_10.pdf